

Валентина Анатольевна Вернигорова

Государственный университет - Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ)

ПОНЯТИЕ РЕАЛИИ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Перевод реалий - часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, вероятно, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины. О реалиях, как о показателях колорита, заговорили лишь в начале 50-х годов. Л. Н. Соболев в 1952-м году употребляет термин «реалия» в современном его понимании и даже дает ему достаточно выдержанную дефиницию. О реалиях также пишет Г. В. Чернов, который, однако, преимущественно пользуется названием «безэквивалентная лексика». А. Е. Супрун рассматривает реалии как «экзотическую» лексику, а Вл. Россельс намечает некоторые из основных черт реалий как переводческой категории. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что данную проблему в той или иной степени рассматривали все теоретики перевода.

Само слово «реалия» происходит от латинского прилагательного среднего рода множественного числа *realis,-e, realia* - «вещественный», «действительный», которое превратилось под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода. Этим словом обозначают материально существующий или существовавший предмет, нередко связывая его по смыслу с понятием «жизнь»; к примеру, «реалии европейской жизни». Согласно же словарным определениям, реалия есть «всякий предмет материальной культуры», «в классической грамматике разнообразные факторы... такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке», «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [1; 8, с. 786; 12, с. 25].

В переводоведении же термином «реалия» обозначают *слова*, называющие упомянутые предметы и понятия.

Реалия-предмет имеет широкое значение, которое далеко не всегда укладывается в рамки реалии-слова, будучи элементом внеязыковой действительности. *Реалия-слово* как элемент лексики данного языка представляет собой знак, при помощи которого такие предметы могут получить свое языковое обличие.

По мнению, С. Влахова и С. Флорина, термин «реалия» в значении «реалия-слово» достаточно прочно укрепился в переводоведении; «реалия» - это лексическая (или фразеологическая) единица, а не обозначаемый ею объект (референт) [7].

Отсутствие четкости в терминологии, употребляемой переводчиками и теоретиками перевода, лингвистами и лингвострановедами в отношении этого понятия требует хотя бы приблизительного выяснения содержания реалии как переводческого термина.

В первую очередь бросается в глаза сходство реалии с термином. Следует учитывать, что в отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления. Как правило, это однозначные, лишенные синонимов слова (и словосочетания), нередко иноязычного происхождения; среди них также есть и такие, значения которых ограничены исторически. Все то же самое можно сказать и о реалиях. Более того, на стыке этих двух категорий имеется ряд единиц, которые трудно определить как термин или как реалия, а немало и таких, которые можно считать одновременно и термином и реалией.

Однако расхождения между термином и реалией не менее значительны. Реалии без колебания относят к безэквивалентной лексике, в то время как термины принадлежат в основном к немногим языковым единицам, имеющим полное языковое покрытие в языке перевода, т.е. единицам, переводимым эквивалентами.

Термин есть элемент подязыков науки специальной научной литературы и выполняет, как правило, назывную функцию, тогда как реалия большей частью связана с литературой художественной (представляет собой одно из средств передачи местного и временного колорита); в научном тексте реалии нередко играют роль заурядных терминов.

Термины отличаются от реалий и по происхождению. Они часто создаются искусственно для наименования тех или иных предметов, в то время как реалии всегда возникают путем естественного словотворчества (это народные слова, тесно связанные с бытом и мировоззрением создающего их народа).

Важной чертой реалий, по мнению Г. В. Чернова, является их общеупотребительность, популярность, «знакомость» всем или большинству носителей исходного языка и, по мнению В. П. Беркова, напротив, «чуждость» носителям принимающего их языка перевода.

Многие из реалий могут представлять собой и отход от литературной нормы. Они могут оказаться в числе слов ограниченного употребления (в частности, диалектизмов); сравнительно немногие реалии принадлежат к элементам сниженного стиля - просторечию и жаргонной лексике. Большинство реалий соответствует литературной норме, т.е. лишено запретительных помет в словарях, но в их толкованиях имеются указания на некоторую ограниченность употребления в связи с местной или исторической принадлежностью их референтов.

Реалии также могут попасть в состав так называемых «иноязычных вкраплений» (слова и выражения, которые автор оригинала дает на другом, не своем, языке в их исконном написании или транслитерации, т.е. без каких-либо морфологических изменений), которые переводчик, в свою очередь, переносит тоже в иноязычном написании или транслитерации.

Таким образом, реалиями являются только отдельные иноязычные вкрапления. В конечном счете, установление разграничительного критерия

между реалиями и иноязычными вкраплениями зависит в основном от того, какое содержание автор вкладывает в эти понятия.

Как языковые средства художественного изображения, реалии представляют собой языковые единицы, которыми в одинаковой степени пользуются как писатели, авторы оригинальных художественных произведений, так и переводчики беллетристики. Так называемые «свои реалии» - большей частью исконные или давно освоенные языком слова – не нуждаются в особых объяснениях, в отличие от «чужих реалий», нередко представляющих трудность для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими и морфологическими особенностями, возможностями словообразования и сочетаемостью, а также механизмом заимствования и своим поведением в качестве заимствованных слов.

Что касается формы реалии как языковой единицы, по мнению С. Влахова и С. Флорина, реалии - это только слова и так называемые «номинативные словосочетания» (сочетания слов, которые семантически равны слову). Когда же речь идет о фразеологических единицах, в качестве реалий, подразумевают и обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых сами по себе обладают характерной национальной или исторической окраской [7].

Другой формой реалий являются *сокращения* (аббревиатуры), представляющие собой, по сути, стянутые в одно «слово» номинативные сочетания.

Говоря о форме реалий, следует упомянуть также об их фонетическом и графическом облике. Решение вопроса о форме заимствования реалии зависит от того, фигурирует ли она в словарях языка перевода или нет. Словарные реалии входят в лексический состав языка перевода и, стало быть, обладают определенной формой, официально зафиксированной правилами фонетики и орфографии данного языка. Следовательно, транскрибируя реалию, переводчик должен прежде всего обращаться к словарям.

Вводя в текст новую, незнакомую читателю реалию, переводчику следует позаботиться о том, чтобы у читателя не осталось в памяти искаженное иностранное слово, и хотя бы при первоначальном его употреблении отметить ударную гласную.

Касаемо же вопроса о заимствовании реалий, следует заметить, что мнение о том, что реалии представляют собой непременно заимствования, в известной мере противоречиво, ведь заимствования уже являются элементами лексики данного языка; следовательно, слово, однократно введенное в текст перевода, можно назвать заимствованием лишь условно. С другой стороны, реалия может утратить свой статус и превратиться в заимствованное слово, если приживется в заимствующем языке настолько, что будет включена в словари.

Более стройному определению понятия «реалия» препятствуют и заметные расхождения в терминологии. Известный поэт-переводчик Л. Пеньков, например, фактически приравнивал реалии к понятию «безэквивалентная лексика» в трактовке Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова; А.А. Реформатский называл реалии варваризмами («иноязычные слова, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев») [141].

По мнению С. Влахова и С. Флорина, в литературе чаще всего встречаются термины «безэквивалентная лексика» и «экзотическая лексика» и наряду с ними (в том же или близком значении) - «варваризм», «локализм», «этнографизм», «алиенизм», «фоновые слова», «коннотативные слова», «слова с культурным компонентом», «пробелы», или «лакуны». Все эти понятия обладают общими чертами: определенная - национальная, историческая, местная, бытовая - окраска, отсутствие эквивалентов в языке перевода и в отношении некоторых - иноязычное происхождение. Чтобы упростить задачу и уточнить семантический круг «реалии», необходимо сначала «отсеять» термины, уже знакомые в закрепившихся за ними значениях, а также те, которые можно было бы вообще элиминировать как ненужные синонимы [7].

Употребление термина «*локализм*» в качестве синонима реалии, с одной стороны, смещает ее значение как лексической единицы, а с другой, сильно сужает представление о действительном содержании понятия. Таким образом, локализм можно отнести лишь к незначительной группе реалий, обозначающих «местные предметы», лишённые национального и исторического колорита.

То же касается и вопроса присвоения реалии названий *бытовое слово*, или *этнографизм*, что, по сути, еще уже, чем «локализм».

И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг в своей работе «Основы общего и машинного перевода» цитируют А. Мальблана и отмечают употребляемое им понятие *пробел* (*lacune*) по отношению к случаям, «когда ситуации, обычные для культуры одного народа, не наблюдаются в другой культуре» [10, с. 184].

В. П. Берков предлагает для обозначения слов «из малоизвестных языков», подчеркивающих «стилистическую функцию экзотизмов» (т.е. реалий), термин *алиенизм* [3, с. 109]. В терминологии В. П. Беркова это видовое понятие по отношению к родовому «экзотизм». Однако актуальность данного термина, по мнению С. Влахова и С. Флорина, весьма сомнительна. Во-первых, его исходное значение от лат. *alienus* - «принадлежащий другим, не свой...; иноземный..., заимствованный» - не подсказывает связи с редкими языками, а во-вторых, группа реалий, называемых «алиенизмами», не обладает принципиальными отличиями от остальных.

Что же касается так называемых «*слов с культурным компонентом*», то, согласно исследованию, проведенному Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, в лингвострановедении эти слова обозначают лексические единицы, «своеобразная семантика которых отражает своеобразие нашей культуры» [6, с. 28].

К ним также относятся *фоновые* и *коннотативные слова*, многие из которых представляют собой истинные реалии или обладают некоторыми чертами, общими с реалиями.

Термин «*варваризм*», переплетающийся у ряда авторов с «экзотизмом», к сожалению, нельзя элиминировать в качестве избыточного синонима «реалии»,

так как большинство дефиниций («слово, образованное неправильно», «слово, чуждое языку по своей структуре», «иноязычное слово» и т.п.) включают и «описание чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта (реалии)», «создание местного колорита» и др. По мнению С. Влахова и С. Флорина, «варваризм» следует считать лексикологическим термином, не имеющим аналогов в переводоведении. Реалии же, в отличие от варваризмов, 1) могут быть и исконными, не заимствованными словами, 2) не обязательно чужды языку по своей структуре и, 3) как правило, не имеют «слов-двойников, равноценных по смыслу», а следовательно, не могут быть легко переведены; кроме того, 4) многие из них фигурируют в словарях, в том числе и толковых.

В специальной литературе наиболее серьезным конкурентом термина «реалия» является термин «экзотическая лексика» («экзотизм»). Исследователи отмечают, что экзотизм - это 1) иноязычное слово, пришедшее «из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских», 2) вид варваризма, 3) слово, «обозначающее реалию - явление быта, социальных отношений, природы», «жизни, быта, обрядов, обычаев отдельных народов», и 4) слово, употребляемое «для придания речи особого (местного) колорита».

Подобная неустойчивость термина «экзотическая лексика» в лингвистической литературе, узорность его значения и возможная смешанность с «варваризмом» делает его неприемлемым в значении реалии. Подобно варваризму, экзотизм является только иноязычным словом для языка перевода; следовательно, своя для исходного языка реалия экзотизмом быть не может. К тому же, в отличие от варваризма, это слово, уже вошедшее в лексику соответствующего языка, тогда как реалии могут быть и своего рода окказионализмами. Наконец, встречающиеся в литературе определения не включают в содержание понятия «экзотизм» исторические реалии, т.е. эта лексика рассматривается только с точки зрения местной, а не временной отнесенности.

Существует еще одно возражение, достаточное для того, чтобы воздержаться от использования термина «экзотическая лексика» в его прямом

значении - «иноземный, чужестранный». Само по себе слово «экзотический», как правило, используется и воспринимается в своем переносном значении как «причудливый, диковинный, поражающий своей странностью», такой, который «кажется необычным, причудливым для иностранца», а нередко и связанный с какой-то романтической привлекательностью.

На основании этого С. Влахов и С. Флорин сделали вывод о возможности иного, в отличие от реалии, применения термина экзотизм, исходя из обоих его значений - прямого и переносного. Таким образом, в рамки его содержания войдут слова - реалии и нереалии, 1) на которых лежит налет экзотики, 2) в том числе и коннотативные слова, слова из национального или международного «экзотического реквизита», 3) целенаправленно используемые для придания произведению определенного колорита, 4) нередко с юмористическим или неодобрительным оттенком. Экзотизмами в этом значении можно считать и так называемые мнимые реалии, т.е. те слова, которые переводчик неосновательно принимает за реалии.

Иначе дело обстоит с «безэквивалентной лексикой». Этот термин встречается у многих авторов - в частности, у А. Д. Швейцера, Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, А. А. Брагина, Л. С. Бархударова, однако все они трактуют его по-разному: как синоним «реалии», как слова, отсутствующие «в иной культуре и в ином языке» и, наконец, просто как неперебиваемые на другой язык слова [2, с. 95; 6; 18].

С. Влахов и С. Флорин считают, что в теории перевода нужно четко отграничить безэквивалентную лексику от реалий, и предлагают придерживаться следующей дефиниции: безэквивалентная лексика есть лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода. При этом реалии, безусловно, входят, как самостоятельный круг слов, в рамки безэквивалентной лексики.

Те же авторы уделяют внимание еще одному моменту, отличающему реалию от безэквивалентного слова: в общих чертах слово может быть реалией по отношению ко всем или большинству языков, а безэквивалентным -

преимущественно в рамках данной пары языков. Иными словами, список реалий данного языка будет более или менее постоянным, не зависящим от языка перевода, в то время как словарь безэквивалентной лексики окажется различным для разных пар языков.

Многие из авторов, говорящих о реалиях, дают приблизительные, неполные определения этому термину, отмечая лишь те или иные его признаки. Одни полагают, что к реалиям относятся только чужие реалии, другие толкуют реалии непомерно широко. К примеру, М. Л. Вайсбурд писал, что «к числу реалий можно отнести события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, географические пункты, произведения искусств и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, артистов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений, явления природы, а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации» [5, с. 98].

Л. Н. Соболев в своих работах «Пособие по переводу с русского языка на французский» и «О переводе образа образом» дает более узкое толкование термина «реалии». По его мнению, этим термином обозначаются «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [12, с. 25; 13, с. 290].

Вл. Россельс видит в реалиях «иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления, ...не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится» [11, с. 169]. А. В. Федоров в своей книге «Основы общей теории перевода» пишет о словах (не давая им никакого названия), «обозначающих реалии общественной жизни и материального быта», т.е. таких, которые обозначают «чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа» [16, с. 175]. У В. П. Беркова «под экзотизмом... подразумевается употребляемое в данном конкретном

языке слово, обозначающее реалию - явление быта, социальных отношений, природы и т.п., - специфическую для иного языкового коллектива и чуждую для данного языкового коллектива», но также и «реалии, которые ранее были характерны для жизни данного языкового коллектива, но которые впоследствии исчезли» [3, с. 109]. В данном определении особенно важно указание на временной фактор (намек и на исторические реалии). Очень сжатую дефиницию реалий дает Л. С. Бархударов: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2, с. 95].

В понимании С. Влахова и С. Флорина реалии - «это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [7].

Таким образом, переводчики, как правило, сталкиваются с двумя основными трудностями передачи реалий: 1) отсутствие в языке перевода эквивалента из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией референта и 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) - ее национальную и историческую окраску.

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала. Различия в системах языка оригинала и языка перевода и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Задача переводчика - как можно полнее извлечь содержащуюся в оригинальном тексте информацию, для чего он должен обладать фоновыми знаниями, которыми располагают «носители» исходного языка. Поэтому успешное выполнение функций переводчика предполагает всестороннее

знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа, говорящего на исходном языке. Иными словами, основным требованием к полноценному переводу является знание переводчиком реалий или конкретных условий жизни и быта страны, с языка которой производится перевод.

Список литературы

- 1. Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 524 с.
- 2. Бархударов Л. С.** Язык и перевод. М.: Межунар. отнош., 1975. С. 95.
- 3. Берков В. П.** Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд. ЛГУ, 1973. С. 109.
- 4. Бреус Е. В.** Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
- 5. Вайсбурд М. Л.** Реалии как элемент страноведения. РЯЗР, 1972, № 3. С. 98.
- 6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1976. С. 28.
- 7. Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе. М.: «Международные отношения», 1980. 343 с.
- 8. Ожегов С. И.** Словарь русского языка. Изд. 18-е. М.: Русский язык, 1986. С. 786.
- 9. Реформатский А. А.** Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 141.
- 10. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю.** Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. С.184.
- 11. Россельс Вл.** Перевод и национальное своеобразие подлинника. // Вопросы художественного перевода. М.: Советский писатель, 1955. С. 169.
- 12. Современный русский язык.** Под ред. Розенталя Д. Э.. Т. I. М.: Высшая школа, 1976. С. 25.

- 13. Соболев Л. Н.** О переводе образа образом. // Вопросы художественного перевода. М., 1955. С. 290.
- 14. Соболев Л. Н.** Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1952. С. 281.
- 15. Супрун А. Е.** Экзотическая лексика. М.: ФН, 1958. 231 с.
- 16. Федоров А. В.** Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. С. 175.
- 17. Чернов Г. В.** К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI. М., 1958. С. 223.
- 18. Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 278 с.